

УДК: 165.9

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Шапиро О. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
федерация*

E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Статья посвящена исследованию наиболее распространенных аргументативных структур, используемых в разных текстовых культурах – аргументативных паттернов. Автор полагает, что формирование аргументативных паттернов зависит от культурно-исторического контекста, включающего в качестве центральных компонентов текстовую культуру и связанные с ней доминирующие когнитивные установки. Таких установок автор выделяет три: догматическая, критическая и клиповая. В совокупности с аргументативными паттернами они определяют и индивидуальный стиль мышления, и стиль мышления эпохи. При этом третья – клиповая – установка является новообразованием и связана с возникновением в XX веке т.н. «клиповой культуры». Во второй части статьи автор дает диахроническую картину трансформации стилей мышления, выражающуюся в изменении аргументативных структур, используемых в текстах, принадлежащих разным историческим эпохам. Отдельное внимание уделяется исследованию современных аргументативных паттернов. В качестве их особенности автор полагает сочетание когнитивной установки современной цифровой культуры с аргументативными паттернами устной текстовой культуры, сложившейся в эпоху ранней Античности.

Ключевые слова: аргументация, аргументативные паттерны, когнитивная установка, критическое мышление, клиповое мышление, текстовая культура

В истории человеческой цивилизации можно обнаружить несколько «точек невозврата», связанных с изобретениями, глобальным образом повлиявшими на все дальнейшее ее развитие. Среди них – изобретение колеса, алфавитного письма и печатного станка. Похоже, в этот же ряд мы можем вписать и изобретение Интернета, запустившее процессы глобализации и информатизации. В первую очередь, «глобальная паутина» дает нам доступность информации вкупе с ее избытком и, как следствие, трудности в дифференциации сообщений согласно их качественным характеристикам. Информация сейчас считается наивысшей ценностью, и это обстоятельство ставит перед нами целый ряд вопросов, в том числе онтологического и гносеологического характера. Совокупность этих вопросов дает возможность дисциплинарному выделению в самостоятельный проект философии информации [1].

Кроме того, мы можем говорить о трансформации коммуникативных процессов. Многочисленные сервисы, обеспечивающие текстовую, аудио- и

видеосвязь с любой точкой мира, диктуют свои правила общения людям, их использующим: от норм коммуникативного этикета до возникновения целого набора интернет-мемов, жаргонизмов и стилистики устно-письменной речи [2]. Мир становится меньше и доступнее, а человек в свете софитов социальных сетей и профессионально-ориентированных сайтов становится более открытым, публичным. И, конечно, меняется сам.

Еще М. Маклюэн акцентировал свое внимание на трансформации человеческой телесности в связи с развитием технологий. В частности, компьютер он представлял расширением нервной системы (как колесо считал продолжением человеческой ноги) [3]. Я же буду говорить об изменении когнитивной сферы человека. Я полагаю, что сегодня технологии трансляции результатов интеллектуальной деятельности определяют не только формат текста как продукта мышления, но и способ этого мышления. Такое взаимовлияние носит циклический характер: тексты, воспринимаемые субъектом когнитивной деятельности, формируют его способ осмысления мира, который в свою очередь влияет на способ создания новых текстов (в широком смысле слова) этим же субъектом, сменившим роль читателя на роль автора.

Задача изучения трансформации мыслительной деятельности масштабна. Вынеся за скобки нашего исследования психологические и эстетические аспекты этого процесса, мы сосредоточимся на изучении аргументации как результате экспликации способа и стиля мышления. Сошлюсь на известного отечественного философа и логика А. А. Ивина, понимавшего аргументацию как «прикладное мышление» [4, С. 339], которое является основным симптомом «стиля мышления», связывающего культуру в целом и науку как ее сегмент [4, С. 335].

Своими задачами в этой статье я полагаю, во-первых, выявление и уточнение специфики когнитивной деятельности в различных текстовых культурах, а во-вторых, вскрытие проблем, связанных с доминирующим типом мыслительной установки в наши дни. Решение поставленных задач приведет нас к достижению основной цели: выявлению современных мыслительных паттернов. В ходе исследования я буду обращаться к методам аргументативного и компаративного анализа, а также к методологическим основаниям современной риторики науки и мета-аргументации (как ее понимает М. А. Финокьяро [22]).

Исследование мышления в мета-аргументативной перспективе

Мышление находится в фокусе внимания целого ряда дисциплин, которые сегодня принято объединять в «cognitive science». Традиционно сюда принято включать философию, психологию, лингвистику, нейрофизиологию, исследования в области искусственного интеллекта и антропологию. Но сегодня к когнитивным исследованиям относят и более частные дисциплины, такие как, например, теория принятия решений, исследования эмоционального интеллекта и пр. Таким образом, литература, посвященная проблеме мышления, необозрима. Говоря о типах мышления, в своем исследовании я буду опираться, прежде всего, на логико-философские разработки отечественных авторов: А. А. Ивина, Г. В. Сориной, И. Н. Грифцовой, В. Н. Брюшинкина, Н. С. Юлиной и др. Однако буду учитывать и

результаты исследований зарубежных философов и логиков: К. Поппера, М. Липмана, Д. Уолтона, Т. Чатфилда и др. Замечу, что разработкой типологий в собственном смысле эти авторы не занимались, однако, так или иначе касались в своих исследованиях проблемы критического мышления, противопоставляя его мышлению догматическому (или, как у Т. Чатфилда – некритическому). Именно эту дихотомию мы положим в основу принимаемой нами типологии когнитивной деятельности.

Несмотря на то, что приведенный перечень персоналий кажется излишне разнообразным, мы можем причислить их исследования к единой парадигме, которую будем называть мета-аргументативной.

Термин «мета-аргументация» был введен М. Финокьяро в его монографии 2013 года, а его исследовательская позиция представляет собой логико-аргументативный подход к исследованию текстов [5]. Приставка «мета-» вводится Финокьяро в связи с тем, что аргументативное исследование текста – это всегда «аргументация об аргументации»: с одной стороны, мы должны выделить тезис, аргументы и способ их связи, который использует автор исследуемого текста, оценить их и обосновать свою оценку, т. е. представить «аргументацию в пользу нашей оценки аргументации», но кроме того нам приходится обосновывать то, почему в качестве тезиса и аргументов мы выделяем из текста те или иные положения – и это также представляет собой мета-аргументативную деятельность. Все перечисленные выше авторы, так или иначе, в своих исследованиях обращаются к указанным мета-аргументативным процедурам, а также описывают их, хотя и в другой терминологии. Кратко мы можем представить их позицию следующим образом: является ли мышление критическим, мы можем выяснить только в результате анализа аргументативных структур, используемых его носителем при представлении результатов своей когнитивной деятельности.

Мета-аргументативной парадигме противостоят психологические исследования мышления, в которых выделяется куда более широкий спектр его типов и подтипов (предметно-образное, понятийное, творческое и пр.). Мы не будем обращаться к этим типологиям, поскольку в контексте нашего исследования нам интересны аргументативные проявления когнитивных типов в текстах культуры, а этот аспект обычно не рассматривается в психологических изысканиях (даже несмотря на то, что используемая в них терминология сходна с философской).

Возвращаясь к пониманию аргументации как «прикладного мышления» обратим внимание на два ее аспекта. Во-первых, это логическая основа аргументации, т. е. использование в ней априорных доказательных структур и наличие определенного рода ошибок, и, во-вторых, стилистика аргументации, специфика использования разнообразных квазиаргументативных средств, зависящая как от непосредственных обстоятельств аргументативного действия, так и от широкого контекста культурно-исторической ситуации. Два этих аспекта составляют набор навыков (называемых сегодня «soft skills»), определяющих собой стиль мышления.

Мы можем сформулировать наше понимание типа когнитивной деятельности как совокупности когнитивной установки и стиля аргументации субъекта

когнитивной деятельности. Такая структура является обобщением (я полагаю, вполне правомерным) схемы критического мышления, предложенного Д. Уолтоном, которое он определяет как сочетание навыков и критической установки [6, р. xi]. Д. Халперн в эту схему добавляет еще набор знаний, и получившийся конструкт приписывает Б. Расселу (правда, без соответствующей ссылки). В своей статье я обойду обсуждение необходимости формирования знаниевой базы стороной: традиционно логика заинтересована в форме, а не в содержании рассуждений, а знаниевая база как раз представляет собой единственный содержательный компонент в рассматриваемой нами структуре. Навыки критического мышления (в частности, навыки анализа аргументации и реализации комплексов вопросно-ответных процедур) в своей совокупности представляются мне стержнем критического аргументативного стиля, однако приобретены и реализованы они могут быть только в случае наличия у субъекта когнитивной деятельности соответствующей установки.

Установку мы будем понимать в классическом духе Д. Н. Узнадзе как состояние, представляющее собой некоторую «тенденцию к определенным содержаниям сознания» [8], причем состояние это является целостной структурой и способно определять состав и течение психических явлений. В широком понимании, установку можно отнести ко многим когнитивным процессам – от восприятия до воображения. В контексте нашего исследования нас интересуют установки мыслительные, которые определяют специфику оценивания воспринимаемой информации и оперирования ею в ходе мыслительной деятельности, эксплицируемой в виде аргументативных структур. Таким образом, когнитивная установка фактически является готовностью субъекта когнитивной деятельности использовать определенные критерии оценивания информации и способы построения рассуждений. При этом установка предполагает специфическую интенциональность восприятия информации, когда наше внимание оказывается выборочным и направленным на события (факты, информацию и пр.) определенного рода. Результатом наличия когнитивной установки мы можем считать то, что М. Полани называет «личностным знанием» в науке [9], неосознаваемым, но влияющим на ход научного исследования.

Итак, в рамках мета-аргументативной парадигмы мы можем противопоставлять два типа когнитивных установок: догматическую и критическую.

Догматическая установка, по-видимому, является базовой для человеческого мышления. Она предполагает наличие тезисов, представляющих истину «в последней инстанции». Содержание этих тезисов представляет собой в любом обосновании достаточный аргумент; выявление же противоречия с догмой делает суждение не только ложным, но и морально неприемлемым. Как пишет А. А. Ивин, «суть догматизма – в стремлении всегда идти от идей к фактам, реальности, и ни в коем случае не в обратном направлении. Догматик, затвердивший идею и отправляющийся от нее к реальности, не способен заметить несовпадения идеи с изменившимися обстоятельствами» [4, С. 347]. Догматическая установка проявляется в готовности субъекта когнитивной деятельности, во-первых, во всем искать подтверждение принимаемым догматам, а во-вторых, отвергать любую

информацию, догмату противоречащую; причем отвержение это может быть обосновано, в том числе, эмоционально и иррационально (например, когда за фактами или высказываниями видят чьи-то «происки», например, «руку Кремля» и пр.).

Критическая установка формируется, по-видимому, в период Античности, и традиционно соотносится с философской и научной деятельностью, хотя может быть реализована и в рамках обыденного мышления. Ее нормативная составляющая содержательно может быть сведена к выполнению основных законов традиционной логики. При этом в качестве дополнительной нормы предполагается возможность пересмотра любого ранее принятого как истинное суждения, если оно становится причиной возникновения противоречий внутри системы суждений. Таким образом, критическая установка проявляется в готовности субъекта к анализу и сопоставлению информации, пересмотру своих позиций и согласию с рациональной аргументацией. К. Поппер отмечает, что именно критическая установка (а не навык!) «делает науку тем, что он есть» [10, С. 26]. А Т. Чатфилд, определяя критическое мышление, фактически говорит именно об установке: «критическое мышление – это активное стремление к пониманию происходящего путем его осмысления, оценки свидетельств и глубокого постижения процесса мышления как такового» [11, С. 16]. Здесь Чатфилд с одной стороны констатирует стремление (т.е. готовность) к критическому осмыслению, а с другой стороны, выделяет одно из главных специфических свойств критического мышления: «постижение процесса мышления как такового», т. е. рефлексивность.

Я полагаю, что сегодня такая дихотомия (критическая установка vs догматическая) является недостаточной для описания когнитивных типов. Современность предлагает нам новые вызовы. Так называемое «поколение Z», полагаю, не является носителем ни догматической установки, ибо не признает «истин в последней инстанции», ни критической, поскольку не готово проверять «входящую» информацию, и не склонно к рефлексии собственных когнитивных процессов. Полагаю, мы должны сегодня зафиксировать новый тип: клиповую установку.

Понятие «клиповое сознание» восходит к идее «клиповой культуры» Э. Тоффлера; предполагается, что сознание носителя клиповой культуры оказывается организованным соответственно тем же принципам, что и само культурное пространство. В русскоязычный обиход термин «клиповое сознание» ввел Ф. Гиренок в работе «Метафизика пата», а позже доработал его в монографии «Клиповое сознание», где выделил ряд его свойств [12]. Однако речь здесь должна идти не столько о типе сознания, сколько об установке восприятия информации. Действительно, стремление к визуализации информации и минимизации вербальной ее составляющей, потребность в постоянном переключении между информационными блоками (сравниваемыми с фрагментами лоскутного одеяла) и пр. – это скорее особенности установки на восприятие определенного рода контента и способы оперирования им, нежели свойства сознания. Таким образом, мы можем говорить о третьем типе: клиповой установке.

Формирование клиповой установки связано с особенностями реорганизации информационных потоков. Она характерна для обыденного мышления, однако постепенно пробирается и в научно-популярные тексты. Авторитет текста-догмата или рационального критерия оценки сменяется на идеологию плюрализма и релятивизма. Предполагается, что любая позиция может иметь место при определенных условиях интерпретации событийного ряда, и противоречивые события могут приниматься как равнозначно вероятные без их дальнейшей критической проверки. Т. е. клиповая установка представляет собой готовность принимать информацию любого рода без дальнейшего ее анализа, а также допускать противоречия различного масштаба, интерпретируя противоречивую информацию как «равновозможную».

Я полагаю, что в некотором смысле три рассмотренные установки могут сочетаться в когнитивной деятельности одного субъекта, разделив между собой «сферы влияния». Этот тезис хорошо вписывается в концепцию критического мышления, согласно которой возможность его развития тесно связана с формированием специализации. Поскольку навыки критического мышления требуют не только рациональности, но и минимального набора фактических знаний для возможности проверки информации, то критическое мышление может быть реализовано только в областях знания, в которых субъект когнитивной деятельности компетентен. Тогда мы можем предположить ситуацию, в которой один и тот же человек может быть носителем критической установки, когда дело касается его профессиональной жизни, догматической – в области вопросов религиозного характера или семейной жизни и клиповой – при восприятии информации социокультурного характера, включая политические новости и хронику последних событий. Соответственно, установка тянет за собой использование того или иного рода аргументативных структур, определяющих стиль мышления субъекта.

Стили мышления в диахронической перспективе

Понимание современного стиля мышления и аргументации как его внешнего проявления возможно только при взгляде на него в диахронической перспективе. При этом значение для изменения аргументативных паттернов имеют несколько факторов: изменение текстовой культуры, широкий культурно-исторический контекст, доминирующая ориентация на тип адресата текста и формат коммуникации, в которой реализуется текстовая деятельность.

Изменение текстовой культуры я понимаю как смену способа создания, хранения и трансляции текстов. В первую очередь, речь идет здесь о возникновении новых технологий (в широком смысле этого слова), таких как алфавитное письмо, книгопечатание, компьютер и Интернет. Материальная форма воплощения текста влияет на восприятие его смысла и на его судьбу. У. Эко пишет, что «читать с дисплея – это совсем не то же самое, что читать со страницы» [13]; следствие этой разницы – не только различие в понимании смысла текста его адресатом, но и связанные с ним изменения в требованиях к самому тексту, как чисто формальные, так и содержательные.

Культурно-исторический контекст предлагает набор признанных в сообществе авторитетов и принятых этикетных формул, влияющих на организацию аргументативного текста. Очевидный пример тому – многочисленные ссылки на сакральные тексты в средневековой философии, чуть менее очевидный – многочисленные аналогии в диалогах Платона, играющие роль достаточного обоснования позиции.

Доминирующая ориентация на адресата представляет собой функциональную презумпцию как совокупность представлений об адресате текста [16, С. 14]. Если мы говорим о текстах философских и научных, то тут возможно несколько вариантов: а) научный текст адресован узкому кругу коллег; б) учебный текст написан для относительно подготовленных учеников и в) научно-популярный текст предназначен для широкой, часто недифференцированной аудитории.

Способ коммуникации может предъявлять более или менее жесткие требования к аргументативным процедурам. Так, современная статья в рецензируемом издании предполагает использование в качестве основы обоснования дедуктивных структур или научной индукции, тогда как открытая лекция может гораздо вольнее использовать аналогию, неполную индукцию, а временами просто подкреплять тезис примером или ссылкой на авторитет.

Эти четыре базовых фактора определяют множество аргументативных стратегий, адекватных тому или иному типу текста. Под аргументативной стратегией я понимаю методическое планирование действий, оказывающих влияние на исход (эффективность) процесса убеждения, и проявляющееся в систематическом, координированном и одновременном использовании возможностей, соответствующих конкретному контексту аргументации.

Аргументативную стратегию мы можем представить в виде модели:

$$M = \langle \{A\}, \{K\}, \{S\} \rangle,$$

где А – множество используемых субъектом видов аргументации; К – множество используемых субъектом видов квазиаргументативных средств; S – множество используемых субъектом схем аргументации. Преобладание у автора некоторого набора привычных аргументативных стратегий я буду называть аргументативным поведением, а повторяющееся использование однотипных фрагментов этих моделей – аргументативными паттернами. Я полагаю, что используемые в учебной, научной и научно-популярной литературе аргументативные паттерны являются основополагающими для формирования как когнитивной установки, так и стиля мышления их адресата.

Диахронический анализ аргументативной структуры текста связан с выявлением структурных элементов предложенной модели. В качестве эмпирического материала тут могут быть использованы в первую очередь философские и научные тексты, образцы которых мы можем найти на всех этапах развития текстовой культуры. Однако количество работ, посвященных диахроническому исследованию аргументативных практик, сегодня достаточно ограничено. Системный характер носит исследование С. Тулмина [18], важное методологическое значение имеют работы А. Г. Гросса, Дж. Е. Хармона и М. С. Рейди [19], М. А. Финокьяро [20]. Интересным частным исследованием

является работа Сары Рубинелли [21], на русском языке за последние годы вышли две коллективные монографии, представляющие собой собрание детальных исследований отдельных текстов [22, 23]. Однако в целом о достаточной разработанности этой темы мы говорить пока не можем.

В общих чертах картина исторической трансформации аргументативных процедур выглядит следующим образом:

В Античности происходит переход от устной к рукописной текстовой культуре. В это время доминируют рассуждения по аналогии; используются многочисленные примеры и иллюстрации. Полагаю, это связано с тем, что такой иллюстративный материал лучше воспринимается при устной передаче текста. Обратим здесь внимание на то, что смена аргументативных схем всегда следует за изменением текстовой культуры, но с небольшим запозданием. При этом первые артефакты текстов нового типа обычно являются просто копией текстов предыдущей культуры, зафиксированной при помощи новой технологии, а для содержательных изменений требуется некоторое время.

Средние века представляют собой расцвет рукописной текстовой культуры. В это время наиболее используемыми оказываются ссылки на авторитеты, метафоры и аллегории, что во многом обусловлено господством религиозных догматов и становлением университетской культуры.

В Новое время происходят два важных события: формируется печатная текстовая культура («эпоха Гутенберга» в терминологии М. Маклюэна) и из философии выделяется целая группа естественных наук. Наукообразность становится эталоном для текстов философских, и теперь лидирующие позиции в них занимают дедуктивные схемы рассуждений.

Просвещение оказывается кульминацией развития печатной текстовой культуры. В это время возникают первые популяризаторские идеи, благодаря чему формируется новый тип текста, интересного с точки зрения его аргументативного анализа: текст научно-популярный. В целом его аргументативная структура совпадает со структурой научных текстов, за исключением стилистических отличий.

Современность ознаменована переходом к электронной текстовой культуре и формированием «клиповой культуры» и клиповой когнитивной установки. Сегодня все больше разводятся форматы научного (и наукообразного философского) и научно-популярного текстов. Если научный текст все еще основывается на традиционных дедуктивных схемах рассуждений, то научно-популярный текст, следуя веяниям времени, становится все более похожим на так называемый «продающий текст». Этот тип текстов – любопытный феномен! Стилистически и даже визуально они кажутся принципиально новыми, тогда как по своим аргументативным структурам почти полностью соответствуют текстам устной письменной культуры. Интересно, что филологи даже называют используемый в них язык «устно-письменной речью» [2]. Обратим внимание на то, что «продающий текст» явным образом ориентирован на адресата – носителя клиповой установки. На это указывают такие его характеристики как дробление текста на легкие в

восприятию короткие информационные блоки и последовательное дублирование значимых элементов в этих блоках с целью демонстрации явной связи между ними.

Если посмотреть на это новое явление сквозь призму нашей модели аргументации, то мы получим следующее:

А (виды аргументации): преобладающим паттерном оказываются доказательства по аналогии (такие же, как и в устной текстовой культуре в период античности);

К (квазиаргументативные средства) можно поделить на две группы: 1) визуальные квазиаргументативные средства, определенные форматом продающего текста и 2) вербальные квазиаргументативные средства, среди которых доминируют уловки группы *ad hominem*.

С (схемы аргументации): преобладают единичные, иногда связанные аргументативные структуры; в полемических текстах дискуссия преимущественно дробится на отдельные блоки, в каждом из которых речь идет только об одном пункте несогласия.

Таким образом, в аргументативных схемах научных и научно-популярных текстов сегодня мы можем наблюдать все увеличивающийся разрыв, связанный, я полагаю, со следующими обстоятельствами. Во-первых, с функциональными презумпциями агентов аргументативной деятельности, а во-вторых, с разрывом в принадлежности к определенной текстовой культуре: тогда как научный текст еще по сути своей создается в форматах печатной текстовой культуры, научно-популярные тексты уверенно входят в пространство «дивертисмента» – развлекательного контента электронной текстовой культуры. При этом различны и установки: печатная текстовая культура предполагает наличие альтернативы между критической и догматической установками, тогда как электронная текстовая культура провоцирует формирование установки клиповой. Соответственно, это провоцирует использование различных аргументативных паттернов как в самих текстах, так и в дискуссиях, возникающих вокруг них.

Список литературы

1. Floridi L. Trends in the Philosophy of Information / Floridi L. // *Philosophy of Information*. – 2008. – Vol. 6. – P. 113–131.
2. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / Лутовинова О. В. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2008. – Вып. 71. – С. 5–65.
3. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / Маклюэн М., Фиоре К.; пер. с англ. И. Летберга. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 219 с.
4. Ивин А. А. Аргументация в процессах коммуникации. *Pro et contra* / Ивин А. А. – М.: Проспект, 2017. – 384 с.
5. Finocchiaro Maurice A. *Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory* / Finocchiaro M. A. – London: College Publications, 2013. – 279 p.
6. Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation* / Walton D. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 343 p.
7. Халперн Д. Психология критического мышления / Халперн Д.; пер. с англ. Н. Мальгиной, С. Рысева, Л. Царук. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

8. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A3/uznadze-dmitrij-nikolaevich/psihologiya-ustanovki/1> (дата обращения: 09.06.2019).
9. Полани М. Личностное знание. На пути к постнеклассической философии / Полани М.; пер. с англ. Под ред. Н. В. Щукина; общ. ред. В. А. Лекторского. – М.: Прогресс, 1985. – 334с.
10. Поппер К. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч.1: Вопросы познания природы / Поппер К.; пер. с нем. И. З. Шишкова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. – 200 с.
11. Чатфилд Т. Критическое мышление: Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение / Чатфилд Т.; пер. с англ. Н. Колпаковой. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 328с., ил.
12. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание / Гиренок Ф. И. – М.: Проспект, 2016. – 256с.
13. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (дата обращения: 09.06.2019).
14. Рыскельдиева Л. Т. Коммуникация и смысл в текстовой культуре / Рыскельдиева Л. Т., Зарапин О. В., Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 276с.
15. Шапиро О. А. Диалоги: жанр vs формат текстовой культуры / Шапиро О. А. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2016. – Том 2 (68). – №4. – С. 21–30.
16. Лисанюк Е. Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации / Лисанюк Е. Н. // Вестник СПбГУ. – 2013. – Сер. 6. – Вып. 1. – С. 13–21.
17. Еемеерен Ф. ван, Хоотлоссер П. Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / Еемеерен Ф. ван., Хоотлоссер П.; пер. с англ. Д. В. Пидаша // Мысль: Аргументация / под ред. В. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Е. Н. Лисанюк. – 2006. – Вып. 6. – С. 7–22.
18. Toulmin S. Return to reason /Toulmin S. – Harvard University Press, 2003. – 243 p.
19. Gross Allan G. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present / Gross Allan G., Harmon Joseph E., Reidy Michael S. – New York: Oxord University Press, 2002. – 267p.
20. Finocchiaro Maurice A. A historical approach in the study of argumentation // Finocchiaro M. A. // Argumentation: Across the Lines of Discipline / Frans H. van Eemeren. Rob Grootendorst, J. Anthony Blair, Charles A. Willard (eds.). – Dordrecht, Provedance: Foris Publications, 1987. – P. 81–91.
21. Rubinelli S. Ars Topica: The Classical Technique of Constructing Arguments from Aristotle to Cicero / Rubinelli S. – Springer, 2009. – 160p.
22. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 543 с.
23. Полемиическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Ю.В. Иванова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 495 с.
24. Гусев С. С. Рациональность: истоки и эволюция / Гусев С. С. // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 42–50.
25. Эко У. От древа к Лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / Эко У.; пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. – М.: Академический проект, 2016. – 559с.
26. Шапиро О. А. Методологические основания исследования истории аргументативных практик / Шапиро О. А. // Рацио. – 2017. – Вып. 18(1). – С. 50–67.
27. Шапиро О. А. Аргументация в публичной переписке: от журнальных статей к социальным сетям. / Шапиро О. А. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2017. – Том 3 (69). – №3. – С. 30–41.

Shapiro O.A. Argumentative Behavior in the Context of Electronic Textual Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 30–41.

The article is dedicated to the most prevalent argumentative structures (argumentative patterns) research. The author thinks, that argumentative patterns formation depends on a cultural-historical context, which includes a textual culture and cognitive attitudes as its main components. The author distinguishes three variants of

cognitive attitudes: dogmatic, critical and clip. In conjunction with argumentative patterns they define a style of thinking – individual and historical. Notice, that the third – clip – attitude is a modern phenomenon, and its origin is connected with a clip culture beginning in the XX century. In the second part of the article the author suggests a diachronic analysis of thinking style transformation, which is conveyed in changes of argumentative structures, which are used in texts. The author considers a few time periods: Antiquity, the Middle Ages, the New Age, the Enlightenment and Modernity. Special attention is paid to the study of modern argumentative patterns. The author demonstrates a specific of modern thinking style: from the one hand it is connected with fundamentally new cognitive attitude formation, and from the other hand argumentative patterns used in the electronic textual culture are similar to oral textual culture argumentative patterns, which were common in the early Antiquity.

Keywords: argumentation, argumentative pattern, cognitive attitude, critical thinking, clips thinking, textual culture.

References

1. Floridi L. Trends in the Philosophy of Information. *Philosophy of Information*, 2008, Vol. 6, P. 113–131.
2. Lutovinova O. V. Internet kak novaja «ustno-pis'mennaja» sistema kommunikacii [Internet as a New "Oral-written" Communication System], *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2008, Vol. 71, P. 58–65.
3. McLuhan M., Fiore K. *Vojna i mir v global'noj derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow, AST, Astrel', 2012, 219 p.
4. Ivin A.A. *Argumentacija v processah kommunikacii. Pro et contra* [Argumentation in Communication Processes. Pro et Contra]. Moscow, Prospekt, 2017, 384 p.
5. Finocchiaro Maurice A. *Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory*. London: College Publications, 2013, 279 p.
6. Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. New York, Cambridge University Press, 2006, 343 p.
7. Halpern D. *Psihologija kritičeskogo myshlenija* [Thought and Knowledge: An introduction to Critical Thinking]. St. Petersburg, Piter, 2000, 512 p.
8. Uznadze D.N. *Jeksperimental'nye osnovy psihologii ustanovki* [Experimental Principles of Psychology of Attitude]. URL <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A3/uznadze-dmitrij-nikolaevich/psihologiya-ustanovki/1> (Accessed: 09.06.2019).
9. Polany M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postneklassičeskoj filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy], Moscow, Progress, 1985, 334 p.
10. Popper K. *Vsja zhizn' – reshenie problem. O poznanii, istorii i politike. Ch.1: Voprosy poznanija prirody* [All Life is Problem Solving. About Knowledge, History and Politics. Part 1: Questions of Knowledge of Nature]. Moscow, URSS: LENAND, 2019, 200 p.
11. Chatfield T. *Kritičeskoe myshlenie: Analiziruj, somnevajsja, formiruj svoe mnenie* [Critical Thinking. Your Guide to Effective Argument, Successful Analysis and Independent Study]. Moscow, Alpina Publisher, 2019, 328 p.
12. Girenok F. I. *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow, Prospekt, 2016, 256 p.
13. Eco U. *Ot Interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst* [From Internet to Gutenberg: Text and Hypertext]. URL <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (Accessed: 9.06.2019).
14. Ryskel'dieva L.T. *Kommunikacija i smysl v tekstovoj kul'ture* [Communication and Sense in a Textual Culture]. Ryskel'dieva L.T., Zarapin O.V., Shapiro O.A., Shkorubskaja E.G. Simferopol', PP ARIAL, 2018, 276 p.
15. Shapiro O.A. *Dialogi: zhanr vs format tekstovoj kul'tury* [Dialogue: Genre vs Format of Textual Culture], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [[Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2016, Vol. 2(68), №4, P. 21–30.

16. Lisanjuk E.N. Kognitivnye harakteristiki agentov argumentacii [Cognitive Characteristics of Argumentation Agents]. Vestnik SPbG [Bulletin of Saint-Petersburg State University], 2013, Ser. 6, Vol. 1, P. 13–21.
17. Eemeren F. van, Hortlosser P. Argumentacija i razumnost'. O podderzhanii iskusnogo balansa v strategicheskom manevrirovanii [Argumentation and Reasonableness. On Maintaining a Skilful Balance in Strategic Maneuvering]. Mysl': Argumentacija: Sb. Statej [Thought: Argumentation: Collection of Articles]. 2006, P. 7–22.
18. Toulmin S. Return to reason. Harvard University Press, 2003, 243 p.
19. Gross Allan G., Harmon Joseph E., Reidy Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. New York, Oxord University Press, 2002, 267 p.
20. Finocchiaro Maurice A. A historical approach in the study of argumentation. Argumentation: Across the Lines of Discipline, Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst, J. Anthony Blair, Charles A. Willard (eds.). Dordrecht, Provedance, Foris Publications, 1987, P. 81–91.
21. Rubinelli S. Ars Topica: The Classical Technique of Constructing Arguments from Aristotle to Cicero. Springer, 2009, 160 p.
22. Mnogolikaja sofistika: nelegitimnaja argumentacija v intellektual'noj kul'ture Evropy Srednih vekov i rannego Novogo vremeni [Many-sided Sophistry: an Illegitimate Argument in the Intellectual Culture of Europe in the Middle Ages and in the Early New Age]. Moscow, Higher School of Economics' Publishing house, 2015, 543 p.
23. Polemicheskaja kul'tura i struktura nauchnogo teksta v Srednie veka i rannee Novoe vremja [The Controversial Culture and Structure of the Scientific Text in the Middle Ages and Early New Time]. Moscow, Higher School of Economics' Publishing house, 2012, 495 p.
24. Gusev S. S. Racional'nost': istoki i jevoljucija [Rationality: The Origins and Evolutions]. Filosofskie nauki [Philosophical Sciences], 2015, № 5, P. 42–50.
25. Eco U. Ot dreva k Labirintu. Istoricheskie issledovanija znaka i interpretacii [From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies of the Sign and Interpretation]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2016, 559 p.
26. Shapiro O. A. Metodologicheskie osnovanija issledovanija istorii argumentativnyh praktik [Methodological Grounds for Studying the History of Argumentative Practices]. Ratio, 2017, Vol. 18 (1), P. 50-67.
27. Shapiro O. A. Argumentatsiya v publichnoi perepiske: ot zhurnal'nykh statei k sotsial'nym setyam [Argumentation in Public Correspondence: from Journal Articles to Social Networks]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology]. 2017, Vol. 3 (69), №3, P. 30–41.